

Первая игуменья новой России

Архимандрит Павел (Груздев) называл её «старинной игуменья». Это звание матушка Варвара ценит выше всех наград

ЮБИЛЕИ

Мы давно привыкли считать Толгскую обитель одной из главных достопримечательностей Ярославля. Тысячи паломников едут сюда помолиться и припасть к чудотворному Толгскому образу Божией Матери, тысячи туристов влечёт сюда интерес к истории, культуре и архитектуре православной России. Мы уже не помним, что на месте красавицы Толги не так давно были руины. У подвига её возрождения есть имена. Первое из них – матушка Варвара. 4 марта игуменья Свято-Введенского Толгского монастыря исполняется 65 лет.

Двадцать пять лет назад в православную жизнь Ярославля вернулась святая Толга. Разграбленная, разрушенная, поруганная, но – святая. Благодать древней монастырской земли, к счастью, человек уничтожить не мог. Зато остальное... «Гидрострой», испытывая во Введенском соборе макет будущей ГЭС, разрушил его фундамент и «смыл» настенную живопись; Крестовоздвиженский храм рухнул, не выдержав переустройства в кинотеатр; плотно заселённые рабочие кельи, колокольня, стены, оранжевые усиленные жильцов изменили свой облик до неузнаваемости.

Последние «хозяйева» Толги, малолетние преступники, выселяясь, разбили в зданиях все окна. Могильные плиты, двери, кирпич растащили дачники для строительства на берегу Волги домиков-курятников. Митрополит Платон, который в то время возглавлял Ярославскую епархию, передал частное строение своего первого визита в Толгу: «Мы приехали и молчаливо стояли». Было от чего замолчать – картина развалин впечатляла.

Обители нужна была опытная, деятельная монахиня, которая могла бы не только возмещать восстановление храмов и стен, но и создать первый женский общежительный монастырь при отсутствии главной опоры – живой монастырской традиции. Владыка Платон после недолгих поисков вспомнил монахиню Варвару, с которой был знаком ещё в Чернигове, и пригласил её в Толгу. Она словно ждала этого приглашения и приехала раньше назначенного срока. Три месяца несла послушание благочинной, затем Владыка рукоположил её в игуменью. И для матушки, и для Толги началась новая жизнь.

Трудно представить, что должна была чувствовать сорокалетняя инокиня, глядя на руины древней Толги. Ужас? Страх? «Такая радость душу обнимала», – вспоминает те дни матушка Варвара. И сразу становится ясно, как несхожи наши представления о радости жизни. Глядя на древние развалины мирского человека может радоваться только в одном случае – если он присутствует на экскурсии. Жить в полуразрушенных, сырых зданиях годами, в тяжёлом ежедневном труде – разве это радость? Для матушки – радость. Почему? Потому что она – в мантии. Мантия – не только другая одежда, отличная от нашей. Это другой образ мысли, другая система жизненных ценностей. Старец Павел (Груздев), юродствуя во Христе, многих из своего окружения с любовью называл «дураками». Когда его спрашивали: «Что же вы одних дураков-то набрали?», отвечал: «А кто ж ко мне умный пойдёт?». Кто будет трудиться, желая ни денег, ни благодарности, ни признания? Кто сможет довольствоваться тем малым, что добудет своим трудом? И как находить счастье в молитве – ежедневном, многообразном повторении одних и тех же слов? Наша дорога к ответам на эти вопросы – вся жизнь. Лишь немногим избранным не приходится мучать себя поиском смысла жизни.

Сашу Третьяк в школе называли «машкой». Дразнить не решались – сразу отличница обидится и не даст обидеть.

Мой папа был верующим человеком, постоянно ходил в храм и меня возил на клирос, чтобы я училась петь. Первое время петь совсем не умела, только губами водила. Стою в храме, и слышу, как по сторонам смотрят. Бабушки приносили конфетки да крендельки, чтобы детискам дать. Вот я и не угостит ли кто. Прихожу домой – ремень! Папа требовал стоять в храме как солдат на посту. А когда меня возили на клирос, там уж не обертывались».

Промысел Божий присутствует в жизни каждого человека. У одних – намёком, у других – ясно. Матушку Варвару промысел «поставил» на такую прямую дорогу к Богу, что прямее не бывает. На рельсы. По ним сёстры Саша и Надя каждое воскресенье ходили к знакомому старцу, отцу Никифору. Путь был не близкий – 12 километров.

«Шли мы с сестрой по рельсам и молились в такт шагам. Господи, помилуй мя, грешную. Господи, помилуй мя, грешную. Батюшка тот был не простой, великий молитвенник. Идём к нему, голова болит, а придёшь, он покрестит голову, помолится, и всё прошло. Шли к нему люди с разными заботами: «Батюшка, заболела коровка, помоги». За всех молился, все в округе его знали.

Когда закрыли Троицкий монастырь, монахини разошлись по деревням. По выходным – к отцу Никифору. За общей трапезой батюшка садился возле меня – ему дадут три кусочка, он мне один отдаст. Матушка Глафира, которая ему помогала, вспоминает, что как-то сидела с отцом Никифором, а он и говорит: «Открывай двери, игуменья иду». Какие игуменья? Открыла, а на пороге девочки – Надя и Саша. Через сколько лет предвидел! Моя сестра тоже стала игуменья. А историю эту рассказала нам матушка Глафира, когда мы уже взрослыми были».

Дороже и ближе человека, чем отец Никифор, с тех пор для Саши не было. Взрослея, она мечтала только о чётках и монашеском уединении. Но попасть в монастырь тогда было не легче, чем в космос. Путь к мантии начался с... плодовоощной базы. О выборе профессии она не думала, поэтому и работать устроилась, куда взяла. Жили с сестрой и подружкой в общежитии, в выходные и праздники ходили молиться в монастырь. К недоумению окружающих, красивые девушки пошли себе скромные одинаковые платица, почти до пят. Соседки-девочки бегали на танцы, говорили о замужестве. У них о жизни в миру даже мысли не было. Продолжая искать возможность устроиться в монастырь, они успели поработать в Чернигове на капроновом заводе. В свободное время – к батюшке Никифору. И наконец, Саше повезло – знакомая игуменья приняла её во Флоровский монастырь. Пришлось ещё какое-то время работать почтальоном и сортировщицей, чтобы не попасть в тунейдцы. Но главное – она была в монастыре, в долгожданном подрабнике, с чёточками!

Казалось бы – вот оно, счастье. Но тяжёлая болезнь на год увела её из обители. Молитвы батюшки и помощь врачей поставили Сашу на ноги. Как поправилась, приняла мантию, и, словно в награду за страдания, ей случилось отправиться в Иерусалим. На святой земле пришло ни с чем не сравнимое ощущение родного дома. И даже подрабник здесь ни у кого не вызывал недоумения. Но главное – ощущение благодати от молитвы у гроба Господня. Обылось даже больше того, о чём мечталось в юности. Но через 7 лет из Горненского монастыря пришлось уезжать.

«Я плакала и скорбела, прощаясь с монастырём, – так мне там было хорошо. И когда мы приехали в Покровский монастырь, первое время все плакали по Иерусалиму. Зайдём на хоры и плачем. Монашеские послушания у меня в ту пору были разные – швея, просфорница. Но главное – регент. Народа ходило много – всегда полный храм. Понемногу жизнь вошла в свою колею. А через 6 лет Владыка Платон забрал меня в Толгу».

Так после отлаженной монашеской жизни в Иерусалиме и в Покровском монастыре Черкасской епархии монахиня Варвара оказалась на развалинах древнейшей русской обители.

Фото Сергея МЕТЕЛНИЦЫ

В трудностях, которые приходится преодолевать монаху, да и любому православному, Господь находится ближе к человеку, чем в обыденной жизни. Его незримое присутствие наполняет душу благодатью, которую ни с чем не спутаешь и ни на что не променяешь.

«Первое время некому было даже петь – человек пятнадцать мирских пели в один голос. Потом пришли мать Мария и мать Илария. Богоматерь нас втроём собрала. Кругом была разруха, но это меня не страшило. Я и прежде, где служила, всегда сама делала ремонт. В Иерусалиме мы с сёстрами жили в маленьких домиках, так приходилось и крышу крыть, и красить. Но здесь своими силами управиться было невозможно. Первые строители приехали из Данилова монастыря, они начали реставрацию Спасского храма и корпуса. Везде было страшно, а в Никольском корпусе, где мы жили, ещё и сыро. Жили мы одной семьёй, в общей комнате – десять кроватей. Но такая благодать обнимала душу! Это нас Божия Матерь утешала.

Люди тогда милостивыми были – понесли нам и посуду, и одежду: «Возьмите, пригодится». Первое время нас посещали и старые обитатели Толги. Вышла как-то поздним вечером к телефону, смотрю – воры. Набираю номер, тут же прислали милицию и гостей наших повязали. Оказалось, они приплыли из Брагина посмотреть, что с их колонией стало.

Поначалу в строительные дела мы не вникали, наша задача была – накормить рабочих. Все процентовки проверял Владыка Платон. У нас был миллион рублей – пожертвования на восстановление монастыря со всех епархий. По тем временам – большие деньги. Первые строители все их и выбрали. Тогда стали искать рабочих по дешёвке. Приехали сюда безработные с Украины – просили дать им хоть какую-нибудь работу. Поручила им вычистку и побелку стен кедровника, они всё сделали хорошо и недорого.

Потихонечку стали собираться сёстры, пришли Пиамы, Ефотида. Все приняли здесь постриг. Трудился с утра до ночи».

В грязной физической работе, которой, казалось, не будет конца, матушка Варвара участвовала не оветом, а ру-

ками. Но важнее молитвы для неё и тогда ничего не было. Первые насельницы быстро поняли, какую силу имеет её молитва. Машина ли застрянет в луже, корова ли начнёт тельиться – бегут к матушке, просят её молить.

Вспоминая первые годы жизни в Толге, матушка Варвара словно светлеет лицом – счастливое время. О необъяснимой радости тех лет говорят и монахини обители. Кругом разруха, жить негде, есть нечего, а в душе – праздник. Понять это несоответствие помогают русские старцы: в трудностях, которые приходится преодолевать монаху, да и любому православному, Господь находится ближе к человеку, чем в обыденной жизни. Его незримое присутствие наполняет душу благодатью, которую ни с чем не спутаешь и ни на что не променяешь. Мудрые толкования и советы старцев издавна были и фундаментом, и стержнем духовного здания русского монастыря. И хотя живая традиция старчества в Толге была прервана, её носителем для возрождающейся женской обители стал архимандрит Павел (Груздев). Без его благословения матушка не начинала ни одного дела. Юродствующий во Христе старец позволял себе большую роскошь – говорить человеку правду в глаза, иногда употребляя и резкое, крепкое слово. Сёстры вспоминают, как искренне отец Павел любил матушку и, увидев её, всегда шутило восклицал: «Ваше высокопреподобие, старинная игуменья!» Этим неслучайным выражением – «старинная игуменья» – он ставил её, как равную, в ряд игуменов прежней Толги, которые были великими подвижниками Церкви. Звание «старинная игуменья», полученное от отца Павла, матушка ценит превыше всех своих наград.

Сёстры любят свою матушку за строгость и доброту, взискательность и милость. Именно такие свойства должны быть в сердце матери, желающей воспитать доброе дитя. Сёстры для матушки никак не меньше, чем дочери. За каждую из них она отвечает перед Богом. Каждой помогает в её главном деле – преображении души.

Первые монахини называют матушку игуменья игуменья. Многие из них благодаря её наставничеству и твёрдой поддержке стали игуменьями открывшихся монастырей. Она помогает им не только духовно, но и хлебом насущным.

Директора заводов и предприни-

матели, поражаясь её деловым способностям, видят в ней талантливого организатора. «Самым страшным директором» назвал матушку один иностранный строитель-благотворитель, не в полной мере владеющий русским языком. Это было признание её хозяйственной проницательности.

Матери и реставраторы удивляются сочетанию в её характере настойчивости и дипломатичности. Сложнейший вопрос передачи из музея в монастырь Толгской иконы Божией Матери разрешился так, что все участники многолетнего спора остались в добрых отношениях. Она умеет слушать и слышать, смело принимает решения в спорных вопросах и даже «закрывает» собой в трудных обстоятельствах.

За годы матушкиного правления в монастыре побывали Святейшие Патриархи и Президенты России, олигархи и министры, депутаты и общественные деятели. Добрыми и простыми словами она умеет расположить к себе любого человека и каждую встречу, каждое новое знакомство обязательно обратит на пользу монастырю.

Матушка обладает удивительным умением наставлять, не наставляя. Разговор с человеком ведёт так заинтересованно, словно сама нуждается в его советах. Спрашивает, спрашивает, и через её вопросы собеседник начинает яснее видеть суть своей проблемы.

Матушкины рассказы о монастырской жизни – словно притчи, полны глубокого православного понимания бытия. Вот один из сюжетов. Сгорел как-то курятник на подворье. Сёстры горевали и недоумевали – как такое могло случиться? Вместо поиска возможных «земных» причин пожара – замыкания проводов или включённого обогревателя – матушка вспомнила двоих рабочих, которые недавно приходили к ней за оплатой своей работы. Шли, преодолевая сильный ветер и метель, а денег не оказалось. В большом огорчении побрели они сквозь непогоду обратно. «Мать Николая, найди их немедленно, заплати надо за работу». Рассказала о пожаре и бросает на собеседника быстрый пронзительный взгляд – всё ли поняли?

«Искушений в повседневных хлопотах много, успеть бы душу спасти. Где ходишь, там и «Господи, помилуй». Хоть один раз за день прослезиться о грехах своих и покаяться. Господь видит, что мы все в суете. В городе – мирская суета, у нас – святая суета. А спасаться надо. Вот придётся оставлять и уходить... Только с Господом и умирать не страшно, с Господом везде хорошо. Без Бога, как говорят, – не до порога. Где ни бываешь, что ни делаешь, надо Бога призывать. Нам во всём помогает Матерь Божия. Мы только подумаем, а она посылает людей, через которых проблемы наши разрешаются. Как же она нам помогает! Мы рады, что Хозяйка вернулась в свой дом. Мы у неё послушники. Да не послушники, а ослушники! Грешим и каемся. Матерь Божия, прости и помоги».

Вот уже четверть века матушка Варвара держит огромное хозяйство монастыря в образцовом порядке. Куда ни войдёшь – в храм, трапезную, гостиницу, пекарню, мастерские – везде идеальная чистота. Общежитие установила по строгому уставу, усвоенному во время жизни в Горненском монастыре Иерусалима. «У монахини подружка – подушка» – предостерегает она инокинь от праздных разговоров. Своёвольные пресекает, но иногда проявляет удивительное терпение, ожидая исполнения своего распоряжения: «А вы, наверно, думаете, что в монастыре, как в армии?».

Ежедневно поддерживать порядок в обители сложнее, чем однажды его наладить. Достаточно представить себе весь круг её забот, чтобы понять – такая нагрузка выходит за грань человеческих возможностей. Но на вопрос, что всего тяжелее в игуменском послушании, матушка Варвара отвечает, не задумываясь: «Смирение». Одним словом «старинная игуменья» объяснила суть монашества – нет важнее и труднее работы, чем работа над собственной душой.

Великая игуменья современной России.

Марина ШИМАНСКАЯ.